

The illustration shows four children in a forest. At the top center is a boy with brown hair and face paint. To his left is a girl with purple hair and feather-like face paint. To his right is a girl with dark hair and blue feather-like face paint. In the foreground is a girl with dark curly hair. The background is filled with green and yellow leaves.

Катя Брандис

Дети леса

Новые
истории

Двенадцать
секретов

Катя Брандис
Двенадцать секретов
Серия «Дети леса», книга 8

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69366796

Двенадцать секретов / Катя Брандис ; иллюстрации Клаудии Карлс ;

[перевод с немецкого О. В. Козонковой].: Эксмо; Москва; 2023

ISBN 978-5-04-160050-1

Аннотация

Дети леса возвращаются! Двенадцать уникальных историй – двенадцать незабываемых весёлых приключений! Как жила Холли в приюте до того, как поступила в школу «Кристалл»? Почему Джеффри и Клифф стали лучшими друзьями? Как на самом деле Лу относилась к Карагу? И что связывает Дориана и Нелл? Узнай эти и другие секреты детей леса!

Содержание

Ореховое Рождество	6
Цирковой волк	26
Испытание	36
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Катя Брандис

Двенадцать секретов

Посвящается Труды и Бо

Katja Brandis
WOODWALKERS AND FRIENDS. ZWÖLF
GEHEIMNISSE

Cover and inside illustrations by Claudia Carls

© 2021 by Arena Verlag GmbH, Würzburg, Germany.

www.arena-verlag.de

Иллюстрации Клаудии Карлс

Перевод с немецкого О. В. Козонковой

© Козонкова О.В., перевод на русский язык, 2023

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2023

Ореховое Рождество

Холли, красная белка

В сиротском приюте

«Серое Рождество давно пора запретить, я так считаю, – нахмурившись, подумала Холли. – Жаль только, моё мнение никому не интересно».

А как было бы здорово запрыгнуть на голову мистеру Тэмбину, вечно страшно занятому директору приюта, и дёргать его за уши до тех пор, пока он не взмолится о пощаде и не пообещает им самое разноцветное, самое прекрасное Рождество, какое только может быть! Но, увы, никто не должен знать, что во втором обличье она красная белка. И значит, о подобных трюках нечего и думать. Интересно – а когда она в последний раз превращалась?

До Рождества осталось всего три дня, а за окном льёт дождь. Из-за этой сырости и улица, и соседнее здание с плоской крышей, и мотели вокруг их сиротского приюта выглядят ещё тоскливее. В самом приюте миссис Ломак уже на День святого Николая повесила пару еловых веток, украсив их красными картонными свечами. Ветки обычно оставляют до января. Но они уже сейчас совсем засохли, и до них ни в коем случае нельзя дотрагиваться, иначе получишь водопад иголок за шиворот. Школу украсили чуть лучше, но одни и те же рождественские песни, каждую перемену звучащие из громкоговорителя, были словно бесконечный дождь, насквозь промочивший её мех.

– А как мы будем праздновать Рождество? – Холли наконец-то отважилась обратиться к миссис Ломак, одетой, как всегда, во что-то серо-чёрное – абсолютно в тон к этой зиме. В ответ она получила привычный укоряющий взгляд. Холли давно заметила, что миссис Ломак её терпеть не может, – девочка-белка была для воспитательницы слишком подвиж-

ной, слишком громкой, слишком необузданной. Однажды она услышала, как та назвала белок «древесными крысами». Ну о чём тут можно ещё говорить?!

– Вам разрешат выспаться! – торжественно объявила миссис Ломак – словно сообщила о выигрыше в лотерею. – В рождественское утро завтрак будет только в девять, и все получат по чашке горячего какао.

– А, – протянул Фил, высокий, худой и бледный мальчик, случайно оказавшийся поблизости. Ему уже исполнилось тринадцать лет, и он больше не надеялся, что его когда-нибудь усыновят. – То есть, можно сказать, никак не будем праздновать. Как обычно.

– У воспитателей есть собственные семьи – с какой стати нам оставаться с вами на праздники? – резко ответила миссис Ломак. – Филипп, у тебя совершенно мятая рубашка: пожалуйста, обязательно погладь её до ужина!

– Да, миссис Ломак, – автоматически отозвался Фил в спину уходящей воспитательнице. Он давно жил в приюте и уже привык к послушанию, даже слишком.

«*Сосновые иголки вам за шиворот, миссис Ломак!*» – мысленно добавила Холли и скорчила жуткую гримасу вслед удаляющейся спине.

Увидев это, мальчик улыбнулся. Холли и Фил не были друзьями, но в комнату дневного пребывания на этот раз направились вместе.

– А ты ещё помнишь, как праздновала Рождество с роди-

телями? – вдруг спросил Фил. – Ты ведь уже давно здесь.

Холли сглотнула. Неужели и правда прошло уже три года, как она попала в приют?!

– Да, с тех пор как папа умер... Ну, разумеется, я помню Рождество и всегда буду помнить, – сказала она и почувствовала укол в сердце.

В последнее Рождество, когда папа ещё был жив, они скакали по лесу в обличье красных белок и бросались друг в друга и в других животных снегом – в общем, отлично повеселились. А потом согревались дома тёплым молоком с карамелью и пекли ореховое печенье. Вечером Холли укрылась своим любимым зелёно-фиолетово-оранжевым одеялом и заснула счастливой, зная, что на следующее утро папа распакует её подарок, а она – папин. Они дарили друг другу только по одному подарку, потому что папа, работая в вечернюю смену в бургерной, мало зарабатывал. Но разве количество подарков так важно? Гораздо важнее обнять друг друга.

– Ну, если эти дурацкие воспиталки не желают иметь с нами дела, тогда я сама организую для нас рождественскую вечеринку, – вырвалось у Холли.

Фил с сомнением взглянул на неё:

– Ты ведь знаешь, что накажут всех, даже если глупостей наделает кто-то один.

Холли расплылась в широкой улыбке:

– Если нас всё равно накажут, то стоит постараться, чтобы было за что. Так ведь? А кроме того, рождественская вече-

ринка – это не глупость.

– Что ты задумала? – насторожился Фил.

– Прежде всего нам нужно ореховое печенье, – сказала Холли. – Очень много орехового печенья.

– Понятно. Я знаю, как его готовить, – кивнул Фил, немного поразмыслив. Отлично, значит, он в деле. – Но у нас нет продуктов, и мне нельзя одному находиться на кухне. А просить разрешения у мистера Гамбрини нет смысла.

Это верно. Повар в приюте был не только очень ленивым – обычно он готовил, смешивая содержимое разных консервных банок, – но и весьма непредсказуемым. Если он с утра ссорился с женой, то потом весь день пребывал в плохом настроении и не говорил ни слова.

– Гм, – протянула Холли, теребя распустившуюся нитку свитера. – Мы что-нибудь придумаем. Сначала надо опросить остальных – кто с нами? Я возьму на себя девчонок, а ты мальчишек. Только осторожно!

– Не волнуйся, Фредерик не узнает, – пообещал Фил.

Фредерик постоянно доносил воспитательницам, если кто-то из ребят, что называется, «сходил с пути добродетели». В награду он иногда получал шоколадку или благосклонную улыбку миссис Ломак, которая обычно выглядела так, словно только что хлебнула лимонного сока.

Прежде всего Холли поговорила с Мелиной: у этой девочки были скрюченные ножки, потому что родители заставляли её днём и ночью сидеть в слишком маленькой кроватке.

Теперь она могла ходить только на костылях, но руки у неё были золотые.

– Весёлое Рождество? Да, это круто! – с мечтательными нотками в голосе тут же согласилась Мелли. – Я могу смастерить подарки. В одной из кладовок есть разноцветная пряжа, я сплету из неё браслеты.

Ещё несколько девочек тоже пришли в восторг от задумки Холли и тут же предложили идеи для подарков и в какие игры поиграть, чтобы всем было весело. Но появившаяся вдруг Саманта заявила:

– Что вы там болтаете про вечеринку? Совсем рехнулись?! Нам всем за неё попадёт.

Обладательница длинных светлых локонов, Саманта была по-настоящему красивой девочкой, вот только прыщи приводили её в отчаяние, особенно в дни посещений. Косметику покупать было запрещено, поэтому в прошлый раз она припудрила лицо мукой, став похожей на полярную сову. Саманта твёрдо настроилась как можно быстрее найти приёмную семью, и ребятам, в которых она видела конкурентов, приходилось несладко.

– Ты же хорошая актриса, возможно, у тебя получится изобразить наших воспитательниц? – предложила Холли, сделав вид, что не слышала возражений Саманты. – А может, придумаешь ещё какое-нибудь ореховое представление?

Не прошло и минуты, как блондинка сдалась:

– Ну ладно. Я с вами. Ты сказала, будет печенье?

– Будет целая гора печенья, высотой минимум с трёхлетнюю сосну. А может, и выше, – заверила её Холли, хотя пока понятия не имела, как всё это организовать.

Но решение проблемы уже приближалось – большими шагами в ботинках 46-го размера.

– Вот, отнеси на почту, – приказал директор приюта и сунул Холли в руки коричневый конверт. Мистеру Тэмбину, почти совершенно лысому мужчине в вязаной кофте, как-то удавалось всегда выглядеть страшно занятым. – Только быстро, понятно?

– Понятно, – ответила Холли, раскачиваясь на носках. – Я не просто быстро – я мигом.

Отлично! Почта находится как раз рядом с супермаркетом. И Холли тут же умчалась обсудить ситуацию с Филом.

– Отлично, – согласился тот. – Кстати, с нами очень много пацанов. Пепе исполнит акробатические трюки, и Сергей тоже хочет что-то показать, но пока не говорит что.

– Ну-ну, – выдохнула Холли. Сергей производил странное впечатление, и не только потому, что практически не говорил по-английски. – Но я уверена, будет весело, неважно, что он задумал. Теперь нужно раздобыть денег и как-нибудь проникнуть на кухню.

– Я скопил немного, – тихо сказал Фил, помчался в спальню и вернулся с несколькими мятыми десятидолларовыми купюрами.

Холли растрогалась.

– Это просто орехово! Теперь мы сможем купить масло, муку, молотых лесных орехов и всё такое. А я добуду ключ.

– Очень забавно, что ты всё время говоришь «орехово», – сказал Фил. – Так больше никто не говорит. А как ты собираешься добыть ключ?

– Тебе лучше не знать, – ответила Холли. – Тогда они и под пытками ничего от тебя не добьются.

– Главное, чтобы миссис Ломак до пыток не додумалась, – буркнул Фил.

Воспитанников в приюте не били, хотя некоторые воспитатели были бы только за.

Холли сбегала за курткой и умчалась, взяв конверт (под мышкой, чтобы все видели) и сумки для продуктов (спрятав их под курткой). Закупка прошла успешно, а когда Холли вернулась с полными сумками, Фил отвлёк воспитателей, и девочка спрятала продукты под своей кроватью в спальне, пока там никого не было.

Теперь предстояло самое сложное – добыть ключ от кухни. И Холли отправилась к мистеру Гамбрини. К сожалению, сегодня повар снова был не в духе.

– Люди перестали различать добро и зло, – сокрушался он. – Никогда ещё этот мир не казался мне таким порочным и безумным.

Холли была с ним полностью согласна. В мире, где твоих родителей могут сожрать хищники, явно что-то не в порядке.

– А что случилось? Ваша жена неправильно выдавила зубную пасту из тюбика?

Развеселить повара не удалось.

– Чего нужно? – буркнул мистер Гамбрини, помрачнев ещё больше.

– Всего лишь соли, – ответила Холли. Соль хранилась в дальнем углу кухни, и чтобы её принести, повар должен повернуться к девочке спиной. И тогда у неё появится шанс добраться до заднего кармана его брюк, где лежали ключи.

– Зачем тебе соль? – брови мистера Гамбрини поползли вверх, он почесал затылок и «пустил ветры», как любили выражаться воспитатели.

– Хорошо, не надо соли – давайте тогда розмарин, – сказала Холли.

Мистер Гамбрини поступил вполне ожидаемо:

– Розмарин?! Ты совсем с ума сошла?! Ты правда думаешь, что я буду раздавать всяким малявкам дорогие приправы? Получишь свою соль – и проваливай отсюда, понятно?

– Я исчезну быстрее, чем развеется испорченный вами воздух, – пообещала Холли, невинно хлопая ресницами.

– На твой язык надо получать лицензию как на оружие, – буркнул мистер Гамбрини, и не успел он повернуться к Холли спиной, как она подкралась и вытащила ключ из кармана его брюк.

Повар ничего не заметил. Во-первых, у Холли от рождения были ловкие пальцы, а во-вторых, она долго тренирова-

лась – в приюте не разрешалось иметь многое из того, что ей хотелось. А кроме того, во время экскурсий она могла с помощью чужих кошельков увеличить количество карманных денег, которое в приюте составляло просто невероятную сумму – пятьдесят центов на человека в неделю.

Воспитатели, кажется, почуяли, что в приюте что-то происходит: в воздухе витало непривычное оживление. Чтобы усыпить их бдительность, Холли так сильно старалась вести себя прилично, как не старалась ещё ни одна белка. Она практически не дерзила, сидела почти спокойно – сидеть совершенно спокойно ведь никому не под силу, правда? – и время от времени даже выполняла требования взрослых. Все остальные посвящённые в тайну ребята тоже старались себя не выдать.

И у них получилось.

– Какие вы сегодня смирные, – удивилась одна из воспитательниц.

Отправляясь на рождественские каникулы и прощаясь с детьми, сотрудники приюта не скрывали отличного настроения. И только мистеру Тэмбину, казалось, было неловко.

– Отдохните как следует, – сказал он малышу Пепе, которому было всего семь.

– А я отдыхать не собираюсь, потому что мы... – начал было Пепе, но, к счастью, его тут же перебил Фил:

– Да, конечно, мистер Тэмбин, мы будем рады отдохнуть от школьных занятий и как следует выспаться. Счастливого

Рождества!

– Счастливого Рождества! – пробормотал мистер Тэмбин и, натянув коричневую вязаную шапку и обмотав шею коричневым вязаным шарфом, быстро, не оглядываясь, ушел.

Наконец в приюте осталась только ночная смена – сегодня это была старая Грит, похожая на сморщенное яблоко. Обычно у неё был такой вид, словно она витала мыслями где-то в облаках. В её обязанности входило следить, чтобы на полу в коридоре было меньше грязи, чем в лесу. А учитывая, что все сорок приютских детей ходили в грязных башмаках, эта задача, как правило, оказывалась Грит не по силам. Возможно, она осталась сегодня на ночное дежурство потому, что у неё нет ни детей, ни внуков, а из домашних питомцев – только волнистый попугайчик, которого она всегда брала с собой на работу.

– Так, чистить зубы – и спать, – прошамкала Грит и в серых войлочных тапочках направилась впереди девочек в умывальную.

В каждой спальней комнате с голыми, крашенными бежевой краской стенами, где система отопления скорее морозила, чем согревала, на двухэтажных кроватях, сваренных из серых стальных труб, спали по шестеро детей. Здесь пахло старой шерстью, средством от моли и отваливающейся от стен штукатуркой. Но сегодня Холли было на это наплевать. Она укрылась своим чудесным зелёно-фиолетово-оранжевым одеялом, из-за которого уже не раз ругалась с воспита-

тельницами, и, закрыв глаза, замерла, хотя совершенно не собиралась спать. Она слышала, как тихонько хихикают другие девочки. В этой спальне все были посвящены в тайну и сторали от нетерпения.

Прошла целая вечность, пока в приюте наконец воцарилась тишина. Затих даже попугайчик Грит, наверное задремав вместе с хозяйкой. Холли отбросила одеяло и спрыгнула с кровати. Она вся, вплоть до кончиков волос, дрожала от волнения.

– Время печь печенье, – пропела она, на цыпочках пробираясь с остальными девочками в кухню, где их уже ждал Фил с помощником.

– Как всё прошло? – выдохнула Холли.

– Отлично. Фредерик быстро заснул и даже не проснулся, когда мы уходили, – доложил Фил. Он заметно нервничал – наверняка потому, что раньше никогда не нарушал правила.

Но ведь это же вредно для здоровья, подумала Холли. Маленькая неразрешённая вечеринка станет для него хорошей тренировкой и пойдёт ему на пользу. Она несколько раз повернула ключ в замке, и дверь в кухню открылась, даже не скрипнув.

Вскоре на кухне запахло корицей, растопленным маслом и молотыми орехами. Настроение было прекрасное, и Холли с Мелиной таскали друг у друга из мисок тесто.

– Мы с мамой тоже всегда пекли печенье, – сказал Пепе, и все притихли: ребята в приюте знали, что его мама уже

полгода в тюрьме и выйдет оттуда не скоро.

Наконец Холли, Саманта и другие члены их пекарской команды отнесли пять противней горячего, только что из духовки печенья, мандарины и орехи в комнату дневного пребывания. Остальные ребята уже сдвинули там в сторону столы и стулья, чтобы можно было устроить представление.

– Орехового Рождества! – пожелала всем сияющая Холли и, надев зелёную шапку с помпоном, сделала круг вальса по залу.

Все тут же набросились на гору печенья, съев всё за пять минут. Но это было не страшно, потому что все уже развеселились и были готовы развлекаться. Пепе разучил разные трюки с костылями Мелины: опираясь на них обеими руками, он вскидывал ноги вверх всё выше и выше. Холли прошла на руках – она всегда это умела, сделала пару кувырков и, закрутившись в воздухе, закончила своё выступление сальто, которому её научил папа.

Аплодисменты были громкими. Даже слишком. Только бы их не услышали!

Фил заволновался:

– Тише, пожалуйста! Если Грит проснётся, нам конец.

Следующей выступала Саманта. Она раздобыла тёмно-серую вязаную кофту и тапки миссис Ломак, убрала волосы назад и нацепила на лицо всем знакомое кислое выражение.

– Вы закончите в канаве, вы все! – изменив голос, ругалась она и грозила указательным пальцем. – Я там уже побывала

и, должна сказать, прекрасно себя чувствовала. Я так люблю обниматься с крысами – они воняют так же, как я. Но об этом никто не должен знать, понятно?!

Непривычно молодая и красивая «миссис Ломак» с воодушевлением рассказала о своём отце, который гордился тем, что не мылся уже десять лет, и о матери, которая могла молиться сто часов подряд, а потом ещё протащить за рога по лугу дикого быка. И разумеется, не забыла и про дядю: у него самая длинная борода во всём штате Айова, и во время концертов в церкви он любит выкидывать разные фокусы, потому что ему нравится, как вопят старые дамы.

Представление всем очень понравилось. Пепе свалился от смеха на пол и катался там среди разбросанной кожуры от мандаринов. Холли тоже пришла в восторг: она и не подозревала, что Саманта может быть такой смешной.

Потом пришла очередь Сергея, обычно тихого и незаметного – «странного», как его иногда называли. Говорили, что он родом из России и что во время путешествия по Америке родители забыли его на парковке.

И вот он с серьёзным выражением лица вышел на середину комнаты – и сразу воцарилось напряжённое молчание. Холли тоже волновалась. Клянусь сосновой шишкой, сейчас мы узнаем, что он приготовил! Только бы не испортил всем настроение!

– Так выглядит мистер Тэмбин, когда он нашёл у себя в носке дождевого червя, – сказал Сергей, затем открыл рот,

скосил взгляд в сторону и скривился так, словно лицо у него резиновое. Это была одна из лучших гримас, какую Холли видела в своей жизни. Она даже чуть не забыла, что нельзя громко аплодировать.

– Круто! Давай дальше! – закричала Мелина, взмахнув костылями и едва не задев одну из ламп.

И вскоре все увидели лицо Грит, когда у неё болит живот, и как ведёт себя мистер Гамбрини, случайно проглотив таракана, и ещё много чего. Радуюсь тёплому приёму публики, Сергей хотел продолжить представление, но вдруг дверь распахнулась.

Все замерли и уставились в дверной проём – нет, только не это! Там в полосатой пижаме стоял Фредерик, он тёр глаза и удивлённо смотрел по сторонам. Ябеда Фредерик. Фредерик, который донёс, что Мира ничего не ест, а прячет еду у себя в шкафу на чёрный день. Девочку потом отправили в больницу, и Холли больше никогда её не видела.

– Что здесь происходит? – спросил Фредерик, почесав бритый затылок. Волос у него не было – пару дней назад Грит нашла у него вшей.

– Рождественская вечеринка, – сообщила Холли, хотя он и сам мог всё прекрасно видеть.

– Вы так расшумелись, что спать невозможно, – с упрёком сказал Фредерик. – Вечеринку ведь никто не разрешал, верно?

Все молчали. Что за глупый вопрос! На дворе полночь,

а воспитателей поблизости не видно – ну, если не считать Саманту в костюме миссис Ломак.

– Давай праздновать с нами, – предложила ему Мелина и улыбнулась. – Поспать сможешь и завтра.

Фредерик медлил, нахмурившись и недоверчиво оглядываясь вокруг.

К счастью, в этот момент появились девочки с противнями, полными ванильных рогаликов, обсыпанных сахарной пудрой, и глаза Фредерика округлились от удивления.

– Ну давай уже садись куда-нибудь, или оставайся стоять, или делай стойку на голове, а? – терпение Холли было на исходе. – Что бы ты ни решил – у нас тут шоу, и оно должно продолжаться.

Фредерик сел и взял три рогалика, а Сергей скорчил следующую гримасу, изобразив просто сенсационный портрет миссис Ломак в тот момент, когда она заметила, что у неё украли паспорт, ключ и сотовый.

Холли даже захотелось испробовать этот трюк. Возможно, тогда все так же безудержно развеселятся, как сейчас. Даже у Фредерика уголки губ поползли вверх. Может, он не такой уж и плохой, как кажется. А если и нет, то его можно понять. Она слышала, что, пока не вмешалась служба опеки, отчим плохо с ним обращался.

После выступления Сергея Фил пробил барабанную дробь, и Мелина торжественно вытащила коробку с подарками, которые она и другие ребята смастерили в последние

дни. К счастью, хватило на всех. Каждый взял по одному подарку, обёрнутому Мелиной красной салфеткой, и смог порадоваться сюрпризу. Все с нетерпением приступили к распаковке и уже через пару минут показывали друг другу свои сокровища. Саманта получила три конфеты, малыш Пепе – лошадку из каштанов и спичек. Холли пришла в восторг, обнаружив большую золотую пуговицу с чёрным гербом. Фредерик обрадовался сплетённому Мелиной браслету, а Фил, который любил готовить, – копии ключа от кухни, который сделала для него Холли.

– Я его уже опробовала, – гордо сказала она. – Входит просто как нож в масло!

– Это круто! Теперь я смогу готовить по ночам, если захочу, – улыбнулся ей Фил.

Наверное, нужно было выставить сторожей, чтобы те предупредили в случае опасности, особенно после того, как проснулся Фредерик. Но, понятное дело, никто не хотел стоять снаружи, когда внутри так вкусно и весело.

Услышав в коридоре шаги, все застыли во второй раз.

Кто-то, шаркая, тяжело ступал по коридору. Или Грит, или Санта Клаус, подумала Холли. Но ни того, ни другую не приглашали.

– Шевелите лапами – живо под стол, рот закрыли и выключили свет! – прошипела она.

Все попрятались, и в последний момент кто-то успел выключить свет. И очень вовремя – ручка двери опустилась

вниз.

В ужасе затаив дыхание, они увидели, как открылась дверь и на фоне освещённого коридора возник силуэт старой Грит. Воспитательница всматривалась в комнату, и Холли понимала, что сейчас та включит свет – и им конец. И даже если Грит не включит свет и не заметит детей, она не может не учуять этот парящий в воздухе невероятный изумительный запах ванильных рогаликов.

Но раз в год чудеса случаются даже в сиротском приюте. Грит не стала включать свет. Она отступила назад, а потом тихо и очень аккуратно закрыла дверь.

«Спасибо», – мысленно поблагодарила её Холли и, скользнув к двери, снова включила свет.

Осторожно, ещё немного скованно, не веря своему счастью, дети выбирались из-под столов. Холли смотрела на них, широко улыбаясь.

– Можем продолжать! – объявила она.

А потом вечеринка немного вышла из-под контроля.

– Мы желаем вам колючего Рождества! – напевала Холли, насыпая в тапочки воспитателям сухих иголок с еловых веток, а остальные ей усердно помогали. Кому-то пришлось в голову зажечь красные и жёлтые картонные свечи, но к счастью, обошлось без пожара, потому что Фил быстро организовал ведро воды. И ещё третий противень печенья оказался на полу, потому что юные пекари поскользнулись на мандариновой кожуре. Но на полу печенье задержалось недолго.

го, потому что это были всеми любимые ореховые печенья, а пара секунд на полу не считается.

Вечеринка была безудержно весёлой и очень-очень праздничной. Ребята страшно устали и один за другим отправлялись в спальни. И скорее всего, большинство из них забыли почистить зубы, но сегодня им было на это наплевать.

Фил, Саманта и Пепе задержались, чтобы привести комнату в порядок.

– Это было здорово, – сказала Саманта. – Сладких тебе снов, Холли.

– Точно, отлично получилось, в следующем году тоже устроим, да? – улыбнулся Фил, а Пепе обнял Холли и крепко прижался к ней.

– Попробуй только остановить меня, пожиратель печенья, – сказала Холли. Ну наконец-то снова Рождество с объятиями. Когда все ушли, Холли вытерла слёзы.

И тут вдруг она вспомнила, что они забыли убрать на кухне. Ах ты гнилой орех! Там повсюду валялись посыпанные мукой противни, жирные миски и облизанные ложки, не говоря уже о яичной скорлупе, пустых упаковках и крошках. Пол был скользкий от масла и грязный от муки. И все спят, кроме неё!

Ну что ж, за каждый праздник нужно платить, подумала Холли и, улыбнувшись, засучила рукава пижамы.

Почти закончив уборку, она обнаружила в углу под бумагой для выпечки несколько оставшихся незамеченными ореховых печений. Отлично! Холли взяла себе одно, самое маленькое. Остальные она положила на самую красивую чистую тарелочку и вышла из кухни.

Она поставила тарелку с печеньем у одной из дверей и тихо пожелала Грит и её волнистому попугайчику орехового Рождества.

Цирковой волк

Бо, волк

Апрель накануне прибытия Карага в школу «Кристалл»

Два доллара – это всё, что у него было. Этой суммы хватит на билет на автобус, который приблизит его к Нью-Йорку и к его будущей славе стендап-комика. Или на порцию картошки фри вон в том ларьке с фастфудом. При одной только мысли о еде в животе у Бо началось урчание, слегка напоми-

нающее рык недовольного волка.

Картошка победила.

Пять минут спустя Бо с благодарностью грел руки о жирный кулёк и кидал в рот один брусочек за другим. В сиротском приюте тоже иногда давали картошку фри, только там она была серая и безвкусная. Наверное, её готовили из спрессованных картофельных очисток, придавая им нужный цвет при помощи химии.

– Жуткий холод сегодня, да? – сказал сидящий рядом с Бо за столом молодой человек с волосами цвета картофеля. На нём было модное тёмное пальто и дорогие кожаные сапоги.

– Да, и именно сегодня у меня день рождения, – пробормотал Бо. Непонятно, зачем он это сказал, он ведь даже не знаком с этим типом.

– Правда? Круто. Знаешь что? Я подарю тебе сотню долларов! – И молодой человек принялся рыться в карманах.

Бо взглянул на него, и на мгновение его сердце забилось сильнее.

Но парень, разумеется, тут же разразился хохотом.

– Первое апреля – никому не верю! Просто суперсмешно, что ты появился на свет именно первого апреля, малыш.

– Моим родителям не было смешно – ну, то, что я вообще появился на свет, – заметил Бо и не сумел сдержаться – верхняя губа поползла вверх, а из груди вырвалось рычание. С тех пор как он познакомился в приюте с этим Дорианом – тот хоть и кот, но парень неплохой, – он знал, почему с ним

время от времени это происходит.

Молодой человек испуганно отпрянул назад.

– Э-э-э... ну да... Подожди... вот... – он бросил на стол перед Бо купюру в пять долларов, схватил свой поднос и поспешил обратиться, буркнув на ходу: – Мне пора!

Бо тут же простил этому типу его дурацкую шутку. На пять долларов можно купить целый бургер!

Но вышло всё иначе. Посмотрев вслед парню, Бо увидел рекламный плакат, и его охватила такая жуткая тоска, словно на сердце ему наступил слон. Вон тот конкретный слон с плаката цирка, у ног которого кривлялся клоун с раскрашенным лицом.

Разумеется, это был другой бродячий цирк, не тот, в котором выступали его родители. Но всё равно. Через минуту Бо уже стоял у кассы и протягивал кассирше купюру, а потом занял место в красно-белом полосатом шатре на лавке впереди, у самой арены.

Рядом с ним села женщина с двумя маленькими детьми, мальчиком и девочкой, максимум пяти и трёх лет. Бо искоса посмотрел на них и тут же ощутил зависть. Надо же – никаких забот! Лакомятся сладкой ватой и бросают попкорн то себе в рот, то на манеж. А он в пять лет уже чистил стойла десяти цирковых лошадей, пока родители репетировали свои номера.

Был будний день, и зрительские трибуны успели заполниться лишь наполовину, когда началось представление. Бо

просто хотел насладиться шоу и ненадолго забыть, что его желудок всё еще бунтует от голода и что ему холодно. Но ничего не получалось. Он всё равно машинально отметил, что на костюме канатоходки недостаёт пайеток, что у старого метателя ножей дрожит рука и поэтому молодая женщина у мишени действительно боится и что арабские жеребцы не вычищены как следует. Ну почему он купил билет в цирк, а не бургер!

– Мама, смотри! Мама, смотри! – ликовали дети рядом с ним, не замечая всех этих недочётов. Бо готов был пожертвовать парой пальцев, чтобы ощутить вкус их сладкой ваты.

Во время следующего номера ему бросилось в глаза, что красный нос у размахивающего плёткой директора цирка покрыт сеточкой лопнувших сосудов, а это говорит о его лучших друзьях – виски и джине. Бо тут же принялся размышлять о том, как этот человек превратился в пьяницу, и вдруг услышал нетерпеливое нытьё маленькой девочки:

– Мама, когда же будет слон?

– Я думаю, уже скоро, Анни, – ответила мама.

Бо не был уверен, что в этой слабой труппе вообще есть слон. В «его» цирке была слониха Кадира, родом из Индии, с которой он подружился и благодаря которой даже довольно хорошо выучил слоновий язык. Но слоны стоят дорого и содержать их непросто, потому что...

– Ура! Слон! – радостно закричала девочка. И действительно, на манеже появился покрытый блестящими накид-

ками слон с бивнями длиной в руку. На шее у него, совершая круг по манежу, сидела красивая женщина. Она улыбалась зрителям и посылала во все стороны воздушные поцелуи.

Бо сразу заметил, что слон не в духе. Возможно, дрессировщица сделала что-то, что ему не понравилось, или сено на завтрак было несвежим, или его слишком сильно привязали и он натёр ногу. Не важно. Во всяком случае, теперь слон совершенно не слушался укротительницу. Он затрубил, и этот низкий звук отозвался вибрацией в животе у Бо, а слон направился к краю манежа. Прямо к зрителям.

– Слон, слон! – ликовала Анни. И продолжала радоваться, даже когда огромный хобот выхватил у неё кулёк попкорна и вытряхнул содержимое себе в пасть. Брат девочки протянул слону свою наполовину съеденную сахарную вату, и тот тут же сожрал её вместе с палочкой.

Слон совершенно игнорировал все попытки дрессировщицы вернуть его на середину арены, он только нервно бил ушами. А потом вдруг обхватил хоботом маленькую Анни за туловище. Девочка пришла в восторг. А её мама – в ужас.

– Стой! Верни моего ребёнка! – закричала она на слона, но тот поднял голосающую девочку вверх и размахивал ею в воздухе, отчего её платье с рюшами колыхалось в такт. По шатру пронёсся крик ужаса, зрители повскакали с мест – но никто не предпринял ничего, чтобы спасти девочку: все лишь вооружились сотовыми, чтобы снять видео или вызвать пожарных и полицию.

Затаив дыхание, Бо наблюдал за слоном и ребёнком. Он всегда сразу понимал, когда ситуация становилась опасной. Нужно ли вмешаться? И что здесь можно сделать? Так трудно порой принять решение...

– Максимус, назад! – в отчаянии укротительница ударила слона кулаком по голове. Не обращая на неё никакого внимания, Максимус выгнул хобот и поднял Анни ещё выше. Её братишка, открыв рот, округлившимися глазами наблюдал за происходящим.

В цирковом шатре тем временем воцарилась мёртвая тишина – похоже, все зрители тоже затаили дыхание.

От ужаса у директора цирка чуть глаза из орбит не вылезли – вероятно, он уже видел, как ему предъявляют иск на много миллионов долларов. Он взмахнул плёткой и щёлкнул ею перед строптивым животным:

– Максимус, что это такое! Немедленно прекрати!

Слон повернулся к директору задом и, прямо ему в лицо пустив газы, лёг на пол и без труда сбросил дрессировщицу.

Снова поднявшись на ноги, Максимус побежал по манежу, хлопая ушами и подняв вверх хобот с девочкой. Мать ребёнка забилась в истерике.

Бо действовал, повинуюсь инстинкту. Вскочив, он снял ботинки и отбросил их в сторону. К счастью, канат с высоты ещё не убрали. Разозлённый слон может легко раздавить человека, вставшего у него на пути, поэтому Бо взобрался вверх по одной из опор и в одних носках стал продвигать-

ся по врезающемуся в подошвы туго натянутому стальному тросу, пытаясь подобраться ближе к слону. По крайней мере, этому его успела научить мама, пока не поняла, что канатоходца из него не выйдет.

По шатру пронёсся изумлённый шёпот.

Слон взглянул наверх, ему стало любопытно, и он остановился. Ну уже хоть что-то. Приблизившись к животному, Бо присел на корточки и попытался вспомнить язык слонов, которому научился много лет назад. В его груди завибрировали тихие глухие звуки.

– Привет, Максимус, – начал Бо, надеясь, что у него не совсем ужасный акцент. – Ну как тебе, нравится?

– Не называй меня этим дурацким именем, меня зовут Ганеша, – ответил слон. – Долго мне ещё придётся терпеть приказания этих наглых карликов?!

Бо подумал, что его честный ответ «Похоже на то» вряд ли придётся слону по душе.

– Кто знает, – уклончиво ответил он. – Неужели тебе так тяжело здесь работать?

Максимус, боком толкнув директора цирка, выбил у него из рук плётку и, наступив на неё, мгновенно сломал.

– Да какая это работа! В моей далёкой стране я помогал доставлять стволы деревьев из леса. Вот это была работа!

– А, так ты поэтому швыряешь по воздуху детей? Потому что тебе здесь нечего поднимать?

– Да кто ты такой?! Как ты смеешь так нагло разговари-

вать со мной?! – прогремел слон, и Бо понял, что он взял неверный тон.

– Прости, Ганеша, я не хотел тебя обидеть, – Бо поклонился, насколько это было возможно на канате. – Я просто хотел заметить, что пугать людей недостойно тебя и твоего стада.

– Моего стада? Моё стадо далеко, очень далеко. А я здесь один. Один! – протрубил слон резко, словно пожаловался.

– Мне жаль, – сказал Бо очень серьёзно. Он тоже тосковал по стае. Будет ли у него когда-нибудь своя стая? – Я понимаю, это очень тяжело.

Ганеша, он же Максимус, немного опустил хобот с Анни, и уши у него были уже не так агрессивно растопырены, а лишь слегка колыхались.

– Кто ты? – спросил он.

– Таких, как я, называют оборотнями, я сам об этом недавно узнал, – ответил Бо, не спуская глаз с Анни. Кажется, она уже не прочь снова оказаться на земле, но пока ещё не плачет. Чего не скажешь об остальных членах её семьи. – В одном обличье я человек, а в другом – волк.

Слон затрубил от удивления и подошёл ближе, чтобы учуять запах Бо.

– Верно, ты пахнешь почти как собака.

Увы, Бо уже давно не тренировался в ходьбе по канату, к тому же его физическое состояние оставляло желать лучшего. Канат под ним начал дрожать и раскачиваться, потому что он не сумел полноценно сохранить баланс.

Бо быстро поднялся и попытался вновь добиться устойчивого положения, отчаянно мечтая о шесте. Сейчас никак нельзя ошибиться – здесь же нет страховочной сетки!

А потом он потерял равновесие.

По шатру пронёсся крик.

Бо в ужасе вытянул руки, надеясь в падении зацепиться за канат, и его пальцы, коснувшись металла, сомкнулись. Судорожно вцепившись в стальной трос, он попытался подняться, чтобы снова на него встать. Но сил было недостаточно.

– Минуточку, – сказал Ганеша и, опустив маленькую девочку на барьер манежа, поднялся на задние ноги, вытянул хобот и снял Бо с каната, словно переспевшую сливу.

Он осторожно опустил мальчика на землю, где Бо тут же рухнул на песок, потому что у него подкосились ноги. Сбитый с толку, Ганеша подхватил его ещё раз и попытался поставить прямо. И на этот раз у него получилось.

– Можешь сказать этим людям, чтобы перестали привязывать меня на ночь цепями? Это крайне неприятно, – попросил Ганеша. При этом он приветливо взглянул на Анни, которая уже утонула в объятиях мамы.

– Будет сделано, – пообещал Бо, погладив Ганешу по хоботу и заглянув в его тёмные глаза. Потом, ещё раз поклонившись великану, он вернулся обратно на зрительскую скамейку, а Ганеша спокойно позволил дрессировщице себя увести.

Очень многие захотели обнять Бо, но директор цирка ока-

зался проворнее всех:

– Мальчик, ты сошёл с ума! Но я так благодарен тебе! Где, скажи на милость, ты этому научился? Ты же цирковой, верно?

– Был раньше, – смущённо ответил Бо и едва успел передать просьбу Ганеши, как к нему кинулась мама Анни. Крепкие объятия оказались даже приятными, хотя секунд тридцать он не мог нормально вдохнуть.

Отец семейства на одном из средних рядов вытряхнул из стаканчика попкорн и крикнул:

– Ребята, скинемся этому смелому юноше!

И все тут же полезли за кошельками.

Полчаса спустя Бо, покачиваясь, вышел из циркового шатра: в одной руке – гигантская шапка сладкой розовой ваты, в другой – семейная порция свежего попкорна, а в кармане куртки на этот раз всё же лежали сто долларов.

«А не такой уж плохой получился день рождения», – подумал Бо и вонзил зубы в самую сладкую вату в своей жизни.

Испытание

Джеффри, волк

Джеффри после смерти младшей сестры и за несколько месяцев до его перевода в школу «Кристалл»

– Джеф, вставай! Как спалось, милый? – нарочито радостно прокричала мама.

– Нормально, – буркнул Джеффри, немного поморгал, щурясь от света, и снова закрыл глаза. Дверь захлопнулась.

Он не ощущал в себе волка. Странное чувство, всегда внушающее ему беспокойство. Но разве можно ощутить себя волком, когда спускаешься, не приняв душ, по лестнице и запихиваешь в себя жирный бекон, который даже не пахнет добычей? Отец и мать смотрят в свои тарелки, говорить им не о чем. С тех пор как умерла Шарлотта, это обычно дело.

«Представь своё звериное обличье», – напомнил себе Джеффри, вернувшись полуголодным в свою комнату и собирая школьный рюкзак. Он сосредоточился на образе, возникшем перед его мысленным взором, и ощутил, как меняется его тело, руки становятся лапами, а из выреза свитшота выбивается мех. И уже через несколько секунд из зеркальной дверцы платяного шкафа на него смотрел тёмно-серый волк. Правда, выглядел он не таким мрачным и пугающим, как хотелось Джеффри, – скорее немного растерянным. Джеффри обнажил клыки и зарычал на своё отражение. Вот так намного лучше. А потом волк немного покругил по комнате

и обнюхал мебель, которую ему не часто доводилось видеть с такого ракурса.

– Милый, тебе пора, а то школьный автобус уедет без тебя!

Джефри упал на пол и положил морду на лапы. «Я доберусь бегом», – хотелось крикнуть ему – но тогда его наверняка сдадут в приют для животных. «И зачем я вообще этим занимаюсь?!» – пронеслось у него в голове. Толку никакого, только шерсть остаётся на прикроватном коврикe.

– *Уже иду*, – отправил он беззвучное сообщение родителям – тоже оборотням, понимающим язык мыслей.

В отвратительном настроении он превратился обратно, натянул одежду и помчался, чтобы успеть на автобус.

В унылом предместье Денвера, в этой постной жизни, волку делать нечего. «Может, просто вести себя как обычный мальчик? – подумал Джефри, глядя из окна автобуса. – Забыть, что во мне живёт зверь. От него ведь одни неприятности: постоянно приходится следить за собой, чтобы нечаянно не превратиться».

В школе было тоже ужасно, как и дома, хотя ужасно по-другому. Остальные ученики были жутко скучными. Они послушно тащились на урок физкультуры, где пытались угодить тренеру, потом плелись в дискуссионный клуб, или в клуб любителей французского, или в редакцию ежегодника – ну или ещё на какие-нибудь дурацкие мероприятия.

Джефри не желал иметь с ними ничего общего, максимум перебросится фразами типа «Привет! Как дела?».

Но кое-кто из учеников всё-таки занимал его мысли.

Прежде всего Смут, самый крутой тип во всей школе. Он плевал на учителей и делал что хотел. Ему уже исполнилось пятнадцать, у него самые модные шмотки и кожа цвета полудночного неба.

Чаще всего он появлялся вместе со своей подружкой Ники. Имея фигуру модели, она носила чёрную кожаную мини-юбку и ярко красилась. Ники редко улыбалась и никому не давала спуска.

Смут и Ники обычно зависали вместе с Флаем, худым парнем в серебристой куртке и чёрных джинсах, с крашенными в ярко-красный цвет волосами. Рекордсмен по числу прогулов, он якобы был ещё и профи в шутерах и, говорят, на одном из турниров даже выиграл главный приз – «Мазерати».

Джеффри всё ждал удобного случая познакомиться с этой троицей. И случай представился даже раньше, чем он ожидал, – сегодня утром Джеффри увидел Флая одного у школы на парковке для велосипедов, где тот как раз парковал старый горный велосипед.

– Привет, – не раздумывая долго, сказал Джеффри. – У тебя правда есть «Мазерати»?

– Есть, – буркнул Флай.

– А почему ты тогда едешь на велосипеде?

– Потому что у меня ещё нет прав, болван, – получил он в ответ.

Джеффри не обиделся:

– А почему я тогда должен тебе верить?

– Мне плевать, веришь ты или нет, – Флай не обращал внимания на Джеффри, запирая замок на велосипеде.

– Я видел машину своими глазами, – с завистью сказал один из скучных пацанов. – Она ярко-жёлтая и совершенно новая.

– Жёлтая, как цыплёнок? – усмехнулся Джеффри и ушёл. Жаль, что он не видит, какие у них сейчас лица. Наверняка все подлизываются к Флаю, чтобы он покатал, когда получит права. Их же можно получить уже в шестнадцать. Насколько он знал, Флай два раза оставался на второй год – значит, ему, наверное, уже около того.

Джеффри не испытывал зависти ни из-за рекорда, ни из-за тачки – машины воняют выхлопными газами, фу, но у Флая есть своя стая, а у Джеффри нет. Вскоре краем глаза он заметил, как Флай подошёл к Смуту и Ники и они радостно приветствовали друг друга. Джеффри ощутил тянущую боль в груди. В районе сердца, которое после гибели Шарлотты наверняка ещё всё в синяках. Или наполовину раздавлено, как будто им во время теннисного матча снова и снова били о сетку.

На следующий день Джеффри попытался установить контакт со Смутом, тот как раз стоял у автомата с напитками и напрасно шарил по карманам в поисках мелочи.

– Могу одолжить доллар, без проблем, – мимоходом обронил Джеффри.

– Почему одолжить? Лучше уж подарить, – ответил Смут и попытался схватить Джеффри за воротник и вырвать у него из рук купюру. Но Джеффри ловко увернулся, и Смут смог ухватить лишь пустоту. Люди такие медлительные, подумал мальчик-волк. Их впору пожалеть.

– Запомни, чувак, – сказал Джеффри широкоплечему парню, который вёл себя на футбольном поле как гладиатор. – Если я кому что и дарю, то только по собственной воле. – Потом сунул в руку ошарашенному Смуту пятидолларовую купюру и неторопливо пошёл дальше. А что, неплохо получилось. Лучше, чем с Флаем. Но достаточно ли этого, чтобы троица проявила к нему интерес? Наверное, стоит ещё попробовать подкатить к Ники.

– Слушай, а у тебя есть домашнее животное? – спросил он девочку, стоя за ней в очереди в школьной столовой. Она развернулась – очень медленно, очевидно сбитая с толку тем, что он вообще рискнул к ней обратиться.

– Да ты, мелкий, совсем с дуба рухнул – приставать к моей подружке! – возмутился Смут.

– Остынь, у тебя сейчас еда с подноса упадёт, – невозмутимо ответил Джеффри.

– Ты обнаглевший...

– Пёс, – вдруг сказала Ники и посмотрела на Джефри – он впервые увидел вблизи её пирсинг в носу и в брови. «С чего это она решила, что я пёс?» – обиженно подумал Джефри, а Ники между тем продолжила: – Мне бы хотелось иметь пса, но мы живём на съёмной квартире, там с животными нельзя.

А, вот оно что.

– Как глупо, – пожал плечами Джефри.

Любовь к собакам сразу расположила его к Ники. Ведь собаки волкам родственники.

Когда подошла их очередь, они забрали свои подносы с

едой и разошлись в разные стороны. Джеффри сделал вид, что эта тройца его не интересует, но на самом деле наблюдал за ними украдкой. А что, если они сейчас говорят про него? Ну когда уже он сможет подсесть к ним, а не торчать тут один!

Лучше не строить больших планов, сказал он себе. Найти стаю дело непростое и небыстрое. Тебя ещё основательно потреплют, прежде чем ты станешь своим.

Вопреки ожиданиям тройца отреагировала на действия Джеффри уже на следующий день, причём совсем иначе, чем он ожидал.

Он нёс тетради под мышкой, и они, выскользнув, рассыпались по полу в коридоре перед столовой. Как назло, туда направлялась толпа учеников. Наклонившись, чтобы собрать свои вещи, Джеффри буквально в сантиметре от своей руки увидел безупречно чистую красную кроссовку.

– Какой ты неловкий, – раздался голос Смута.

– Да это же я специально, – и Джеффри быстро отдернул руку, чтобы на неё не наступили.

У Смута на обуви никогда не было ни пятнышка, бог знает, как ему это удавалось. Он рассмеялся и поставил ногу на одну из тетрадей Джеффри – на обложке появился большой серо-коричневый след.

– Да неужели?

– Ногу убери! – резко сказал Джеффри. Он так разозлился, что зубы начали превращаться в клыки. Он быстро отвернулся и попытался успокоиться: не стоит кусать этого типа.

Из одной школы его уже выгнали, и он не испытывал ни малейшего желания менять ещё одну.

К удивлению Джеффри, Смут и правда убрал ногу.

– Расслабься, приятель, ничего не случилось. Я просто хотел спросить, не хочешь ли сесть за обедом с нами.

– Договорились, – удивившись ещё больше, кивнул Джеффри.

Как во сне выбрав еду у стойки, он взял поднос и направился за Смутом к столу, где уже сидели Флай и Ники. Они говорили про последний турнир Флая, который показывали живую на «Ютьюбе», и не обратили на Джеффри никакого внимания.

Джеффри вслушивался в разговор, понимая, что его проверяют.

– А где можно посмотреть турнир? – спросил он, и Флай скинул ему ссылку на сотовый:

– Я сейчас в рейтинге на пятом месте. Это значит, я один из самых крутых бойцов в лиге.

– Поздравляю, – сказал Джеффри. Он ничего не имел против людей, которые хвастаются. Он и сам любил это дело – добавляет уверенности в себе.

Джеффри принялся за бургер с беконом. Завтрак был уже давно.

– Ты ешь, как голодный волк, – весело заметила Ники, и Джеффри внутренне вздрогнул. Да нет, она не может знать, кто он на самом деле, он бы почувствовал, если бы она тоже

была оборотнем.

– А ты ешь, как самка бобра, только меньше, – ответил он. Ники как раз грызла сельдерей, предварительно подвигав на тарелке туда-сюда остальную еду.

– У малыша есть чувство юмора, – сказала она приятелям.

– И наглости ему не занимать, – заметил Смут. – Но есть ли у него что-нибудь кроме этого?

– Разумеется. Острый ум и стальные мускулы, – Джефри доел бургер и слизал кетчуп с пальцев. – Подходит?

Троица, переглянувшись, вопросительно вскинула брови, а потом Смут махнул остальным, и они отошли посоветоваться. Джефри притворился, что ему всё равно, что они решат, но от волнения один за другим запихивал в себя брусочки картошки фри. Может, он переборщил? Ему ведь всего тринадцать, а они гораздо старше и знают об этом.

Наконец троица вернулась назад. Смут скрестил руки на груди – Джефри они показались толщиной со ствол дерева – и взглянул на него сверху вниз. Что неудивительно – он на полголовы выше.

– Значит, так, приятель: или ты показываешь, на что способен, или сматываешь удочки и больше не лезешь к нам со своими глупыми присказками.

– Решили устроить мне проверку? – ухмыльнулся Джефри. – Я не против. Люблю разнообразие.

– Ты его получишь, – кивнул Флай. – Ники сказала, ты любишь животных. Ведь ты же её про животных спрашивал?

– Поэтому твоё испытание будет связано с животными, – продолжила Ники. – У моей тёти есть доберман в клетке, и он сжирает выпендрёжников вместе с потрохами. Его зовут Киллер. Принесёшь нам его ошейник. Я его очень хорошо знаю, так что обмануть не получится.

Злые собаки опасны. Но и он вообще-то тоже. Джефри сомневался недолго:

– И это всё? Вы хотите, чтобы меня просто сожрали?

– Разумеется, не всё, – Смут улыбнулся – улыбка была скорее похожа на оскал. – Ты должен принести ошейник завтра утром. Если не справишься за одну ночь – ты проиграл, малыш.

Троица изрядно веселилась.

– Где живёт твоя тётя? – спросил Джефри, больше не вступая в полемику.

Ники назвала улицу, и Джефри быстро выяснил по сотовому, где это. Гм, далеко за городом. И ведь они знают, что у него нет водительских прав. А родителей вряд ли стоит просить отвезти его за город для этих целей. Это всё часть проверки. Но они даже не подозревают о его секретном преимуществе.

– О'кей, я в деле, – небрежно сказал Джефри, запоминая маршрут.

Трое переглянулись, широко ухмыляясь. Всё ясно: они уверены, что он не справится.

Вечером, едва зашло солнце, Джефри пружинящим ша-

гом сбежал по лестнице на первый этаж. Родители как раз смотрели какой-то древний фильм про вервольфов, ещё чёрно-белый.

– Пойду прогуляюсь. Вернусь поздно, – сказал Джеффри.

– Давай, – буркнул в ответ отец. – В зверином обличе?

Смотри, не покусай никого.

– И пожалуйста, будь осторожен, не попади под машину, – напомнила мама. – Люди редко тормозят при виде животных.

Типичные родители-волки.

– Ладно, – кивнул Джеффри.

Он зашёл за дом, где между мусорным контейнером и дощатым забором соседей был защищен от чужих глаз и мог спокойно превратиться. Быстро раздевшись, Джеффри принял звериный облик и ощутил под лапами редкий газон заднего двора. А что, для начала неплохо. Он долго не решался превращаться вне дома, потому что волк посреди человеческих жилищ совсем не к месту. Но ведь иначе за одну ночь ему никак не успеть к этой тётке.

Затолкав лапой одежду в тёмный угол сада, Джеффри помчался рысью – быстро и легко, совершенно не ощущая усталости. Классное чувство. Может, всё-таки записаться в школьную команду по лёгкой атлетике? Не-е, ему совсем не улыбается позволять себя гонять какому-то тренеру.

Дом тётки Ники располагался в боковой улочке. Это было окружённое кустарником одноэтажное здание светло-корич-

невого цвета, которое явно не помешало бы покрасить заново. Сломанный проволочный забор отделял участок от улицы, на которой припарковались несколько автомобилей. На асфальтированном подъезде к дому стояла серая тачка. Вид у неё был такой, словно последний раз её мыли в прошлом веке, а на тахометре у неё минимум две тысячи километров.

Джефри обошёл дом, чтобы приблизиться с подветренной стороны, и задрал морду, принюхиваясь. И тут же учуял добермана. Это был кобель. Джефри подбежал к участку сзади и стал рассматривать сквозь проволоку забора чёрного пса в красном ошейнике с шипами. Собака дремала, дёргая лапами во сне. Может, псу снится, как он охотится на зайца. Да, классный сторожевой пёс этот Киллер. Но если он проснётся, то начнёт лаять как сумасшедший и перебудит всех в доме.

Беззвучно, словно тень, Джефри проскользнул мимо пса и проверил замок клетки. Заперта только на задвижку – повезло. Но даже если Киллер продолжит мирно спать – как добраться до ошейника?

Ноздри добермана дрогнули, и Киллер, открыв глаза, тут же вскочил и стал прыгать из стороны в сторону, скалить зубы, брызгать слюной и изрыгать проклятия на собачьем языке:

– Чужак! Злой чужак! Убирайся! Это моя территория!

– Тихо! – Джефри встал перед псом и вздыбил шерсть.

Теперь даже безмозглой домашней псине должно быть ясно,

что этот злой чужак на треть больше её. К тому же Джефри оскалил клыки, и они наверняка эффектно мерцали в свете луны. – Или ты заткнёшься, или я разорву тебя на такие мелкие кусочки, что из них не получится даже лоскутный коврик. Если ты ещё не понял – я волк.

Кобель от страха захлебнулся собственной слюной:

– Волк?! Этого не может быть!

– Да неужели? А ты принюхайся, – и Джефри быстро взглянул в сторону дома. Света в окнах нет. Пронесло.

Киллер принюхался и, тихонько заскулив, поджал хвост и опустил на землю:

– Да ты и правда волк. Пожалуйста, не кусай меня! И тем более не рви на мелкие кусочки!

– Ладно. Возможно, я всего лишь оберну твой язык вокруг столба, – милостиво объявил Джефри. – Я сейчас войду к тебе в клетку. Если будешь вести себя тихо, с тобой ничего не случится.

В ответ пёс снова вскочил, словно у него в лапах была пружина:

– Тебе нельзя ко мне входить. Я должен защищать этот дом и облаивать каждого, кто к нему приблизится!

Джефри захотелось закатить глаза.

– Работа есть работа, да?

Киллер твякнул в знак согласия и раскрыл пасть, чтобы снова залиться бешеным лаем.

Только не это!

– Стоп, стоп! У меня к тебе предложение! – прервал его Джеффри, отказываясь от угроз – толку в них явно мало.

– Какое? – Доберман с опаской забился в дальний угол клетки. Но по крайней мере затих. Хотя бы на время.

– Дом меня не интересует. Понимаешь, я дал клятву, что сегодня облегчу кому-нибудь жизнь.

– Ты хочешь облегчить жизнь мне? – уточнил Киллер, наострив уши, – значит, заинтересовался.

– Именно так. Скажи, тебе ошейник не натирает? Не надоело его носить?

– Ты прав, – Киллер задней лапой почесал шею. Потом взглянул на Джеффри – и в его глазах был явный расчёт. – Ну и что? Выходить мне отсюда нельзя, хозяйка запретила.

Джеффри быстро соображал:

– Ты ведь наверняка хочешь есть? Принести тебе свежего кролика?

– Кролика? – У Киллера потекли слюни. – Я их постоянно чую, но только добраться до них не могу.

– Да, кролика, – торжественно повторил Джеффри.

И вскоре они уже договорились, что Киллер великодушно позволит Джеффри исполнить свою клятву – облегчить ему жизнь. Отлично.

– Спасибо, приятель. Ты очень мне поможешь, – сказал Джеффри, так притворяясь благодарным, что ему чуть не стало плохо. А потом, оставив эти глупости, отправился на охоту.

Поскольку кролики уже привыкли, что Киллер для них не опасен, Джефри тут же удалось схватить одного. Было приятно ощущать в пасти эту мягкую сочную ношу, с которой не сравнится ни один бургер, даже с беконом. Жаль, что нельзя сожрать кролика самому.

– Так, теперь сиди спокойно и не пугайся, – сказал Джефри и, превратившись в человека, взял в одну руку кролика, а другой отодвинул задвижку клетки. Глупый пёс взвыл от удивления и жадности, когда к нему в клетку вместе с добычей протиснулся Джефри-человек. Тысяча блошиных укусов! А вдруг он кого-то разбудил?!

Увы, так и случилось. Когда Джефри принялся отстёгивать ошейник, в доме зажёгся свет, и вскоре кто-то зашаркал в сапогах по садовой дорожке.

– Киллер! – раздался грубый женский голос. – Что случилось, мой голопузик?

Смеяться Джефри было некогда – сейчас или пан, или пропал. Стянув с ошарашенного добермана ошейник через голову, он распахнул дверь клетки – пусть бежит, если хочет, – и помчался в темноту.

И тут мальчик с ужасом увидел, что тётка Ники – в распахнувшемся халате, с голыми волосатыми ногами – топает через сад прямо ему наперерез. Единственное, что оставалось – спрятаться за садовую скамейку. Но доберман всё равно чуял его. Глупый Киллер взволнованно прыгал вокруг хозяйки и рассказывал ей во всех подробностях, что случи-

лось. Вот же ябеда. Только тётка-то ни слова не понимала, ха-ха.

Но вообще-то Джефри было не до смеха. Если тётка не остановится, то через пять секунд наткнётся на него.

И тут Киллер резко повернул голову. Джефри тоже услышал в кустах со стороны улицы подозрительный шум. Киллер, лая что есть мочи, ракетой рванул вперёд. Три тёмных силуэта отделились от кустов и помчались в сторону улицы. Джефри не поверил своим глазам – это были девушка, широкоплечий парень-футболист и тощий верзила. Постойте-ка – да это же Ники, Смут и Флай!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.